

О
НАРОДНЫХЪ ВРАЧЕБНЫХЪ
СРЕДСТВАХЪ.

Что такое народныя или простонародныя врачевныя средства? Чѣмъ онѣ отличаются отъ снадобьевъ, принятыхъ Врачебною Наукою? Заслуживаютъ ли онѣ нашего вниманія, и приносятъ ли дѣйствительную пользу, или только мнимую?

Человѣкъ, даже въ самомъ дикомъ, необразованномъ состояніи, ищетъ помощи, исцѣленія отъ постигшихъ его недуговъ, и руководствуется при этомъ сперва опытомъ, а потомъ наведеніемъ или заключеніемъ. Такимъ образомъ, «опытъ» всюду предшествовалъ «умозрѣнію»; основаніемъ Науки Врачебной служили случайныя открытія, испытанныя и дознанныя въ теченіе вѣковъ, и составившія въ совокупности цѣлую науку, которая, въ

самомъ исполненіи своемъ, составляетъ искусство. Но наука эта конечно не исчерпала еще всѣхъ цѣлительныхъ источниковъ, предоставленныхъ ей щедрою природою, въ видѣ темныхъ и нерѣдко опасныхъ загадокъ: спросите недужныхъ, спросите того, кто стоитъ озабоченный тяжкою думой у изголовья страждущаго, держать его за кисть руки, считаетъ по-видимому удары боевой жилы, а мыслями теряется въ необъятной неизвѣстности, и наконецъ садится съ разсѣяннымъ видомъ за письменный столикъ и пишетъ, прописываетъ, потому—что это есть общепринятая его обязанность, что его за этимъ позвали. Изъ этого слѣдуетъ, что наука или искусство никогда не должны зазнаваться, не должны чуждаться колыбели своей, «опыта», или «случайныхъ открытій»; иначе наука походить будетъ на барина, который избѣгаетъ всякаго сообщества съ простолюдиномъ, не потому, чтобы тотъ былъ ему не по плечу въ понятіяхъ и степени образованности своей, а потому только, что боится унижить свое

барское достоинство. Нѣтъ: мы обязаны знакомиться со всѣми престонародными медицинскими средствами и со способомъ ихъ употребленія; обязаны наблюдать за ними, извѣдывать, испытывать ихъ, тамъ гдѣ здравый смыслъ, совѣсть и основанія науки это дозволяютъ, и за-тѣмъ, строго отдѣляя ошибочное, безтолковое, суевѣрное и вредное отъ полезнаго, умножать такимъ-образомъ запасъ научныхъ медицинскихъ средствъ. Сверхъ-того, на дѣло это можно и должно смотрѣть еще съ другой стороны: назначеніе врача — жить среди общества, бороться ежедневно съ причудами его, привычками, слабостями, и условными обычаями, обратившимися иногда въ ненарушимый законъ; слѣдовательно врачъ долженъ изучать всѣ причуды, повѣрья, обычаи народа, долженъ знать, къ какимъ средствамъ люди обыкновенно въ извѣстныхъ случаяхъ немощи прибѣгаютъ, какъ ихъ при этомъ наставляютъ, поучать и предостерегать. Пустьже каждый изъ насъ соберетъ все, что ему на пути этомъ случится собрать и извѣдать. Это тѣмъ

нужнѣ, что врачевныя средства въ народѣ всегда почти составляютъ какую—то тайну, которую проникнуть и разоблачить во всякомъ случаѣ желательно: годное и полезное будетъ принято наукой, которая этимъ обогатится; ложное и негодное будетъ отвергнуто, и наука покажетъ, что оно вредно.

Отъ порубу, для остановленія крови и для скорѣйшаго заживленія, народъ у насъ прикладываетъ къ ранѣ свѣжія листы или порошокъ изъ сушенаго растенія «порѣзь», «ужикъ», или «подорожникъ» (*plantago*), выбирая тотъ видъ, у котораго по три толстыхъ рубца съ исподу на листьяхъ. Другіе употребляютъ также, вмѣсто этого, въ холодной припаркѣ растеніе «баранья трава», «гулявица», «деревей», «тысячелистникъ», «кашка», «рябинка» или «кровоавникъ» (*achillea millefolium*). На Заводахъ Уральскихъ и въ другихъ мѣстахъ у мастеровыхъ людей вѣрятъ въ слѣдующее средство: берутъ чистую ветошку, смачиваютъ ее въ кровь отъ нанесенной раны и сушатъ ее легонько въ рукахъ

передь огнемъ; по мѣрѣ того, какъ она просыхаетъ, кровь должна останавливаться; а когда тряпка суха, то и дѣло кончено. На заводахъ средство это извѣстно подь названіемъ «тряпки»: тамъ увѣряють, что тряпку сушить надо передь огнемъ исподоволь, не круто; иначе рана впослѣдствіи воспалится. Тамъ вѣрятъ этому также точно, какъ есть не только простолюдины, но и врачи, которые вѣрятъ, что не должно ставить сосудъ съ кровью, послѣ кровопусканія, на теплое мѣсто, на лежанку, на солнце: иначе воспаленіе или горячка въ больномъ еще усилятся.

При кровохарканьи и вообще кровотеченіи не изъ раны, даютъ пить круто посоленный квасъ, или огуречный разсолъ. Извѣстно, что поваренная соль употребляется съ тою же цѣлію и врачами. Вспоминаю при этомъ случай, гдѣ солдату, который жаловался на кровохарканье, появившееся безъ всякой видимой причины, также дана была ложка соли, и она произвела исцѣленіе вовсе неожиданнымъ образомъ: солдатъ этотъ пилъ на походѣ

ночью изъ лужи и проглотилъ, самъ того не зная, пару пѣвокъ; вотъ причина кровохарканья: соль ихъ умертвила и онѣ вышли рвотой. При сильномъ кровотеченіи изъ носу, даютъ въ каждую руку по ключу и по куску мѣлу, и велятъ стиснуть сильнѣе кулаки. Кладутъ также бумажку или дробинку подъ языкъ, или наконецъ берутъ замкнутый замокъ, и даютъ крови капать сквозь дужку его.

Нюхальный табакъ, паутина, или яичный бѣлокъ съ квасцами, также употребляются въ народѣ для остановленія крови изъ наружной раны. Эстляндскіе крестьяне настаиваютъ простое вино на березовыхъ почкахъ, и заливаютъ имъ всякій безъ изъятія ушибъ, порубъ и порѣзь. Отъ послѣдствій ушиба это иногда можетъ быть полезно; но заливать имъ свѣжую, кровавую рану, значитъ заливать огонь спиртомъ.

Я только два раза имѣлъ случай видѣть свѣжую рану отъ поруба, гдѣ кровотеченіе остановлено было «заговоромъ». Въ

обоихъ случаяхъ, по-видимому, не было надобности ни въ заговорѣ, ни въ другомъ какомъ-либо средствѣ для остановленія крови: значительная боевая жила не была повреждена; а если этого нѣтъ, то кровь всегда почти запекается и останавливается сама-собою.

Ушибъ обыкновенно натираютъ виномъ или бодягой. Мнѣ случилось однажды видѣть, что мужикъ оступившись больно, такъ-что началъ прихрамывать, воротился на то мѣсто, гдѣ бѣда съ нимъ случилась, положилъ три поклона въ землю, приговаривая: «прости меня мѣсто свято!» и потомъ пошелъ далѣе, въ полной увѣренности, что ему ногу «отпустило».

Отъ глазныхъ болѣзней воспалительнаго свойства, прикладываютъ на ночь яичный бѣлокъ, истертый или взбитый кускомъ квасцовъ; что употребляютъ и нѣкоторые врачи. Кромѣ-того держать глаза надъ паромъ горячей рыбьей печени, или печени рогатаго скота, или барана, а потомъ ѣдятъ ее. Этоже средство употребляютъ противу

«куриной слѣпоты», и хотя достовѣрные люди увѣряютъ въ его дѣйствительности, но во время Турецкаго похода, когда куриная слѣпота по временамъ являлась повально, я не видалъ отъ печени никакой пользы. Сжженный сахаръ, разнаго рода купоросъ, и даже толченое стекло употребляются лекарками безъ толку и смысла противъ бѣльма, и средства эти конечно погубили въ конецъ не одну пару еще годныхъ глазъ.

Ячмень на глазу мажутъ на-тощакъ слюной или утренней росой; дѣлаютъ также много затѣйливыхъ штукъ: на примѣръ, должно уколоть ячмень зерномъ ячменя и бросить зерно это курицѣ; обвести ячмень три раза обручальнымъ кольцомъ, приговаривая: «во имя Отца и Сына и Св. Духа»; или подавить ячмень кольцомъ, поцѣловать глазъ и плюнуть; повѣсить передъ глазомъ иголку на ниткѣ и ходить съ нею цѣлый день, что дѣлаютъ обыкновенно бабы, прицѣпляя нитку къ платку на головѣ; первый или послѣднерожденный изъ сестеръ или братьевъ долженъ показать ячменю, глазъ—

на—глазь, кукишь и сказать: «ячень, ячень, вотъ тебѣ кукишь, что хочешь, то и купишь; купи себѣ топорокъ, пересѣкися поперекъ», а потомъ провести по ячению пальцемъ, и проч.

При хронической головной боли срываютъ «чемеръ», то—есть замотавъ два пальца въ волосы противъ больнаго мѣста, дергаютъ внезапно изо всей силы, такъ—что по всей вѣроятности отрываютъ на этомъ мѣстѣ кожу отъ сухожильнаго растяженія. Мѣсто пухнетъ и подтекаетъ кровью; можетъ—быть въ иныхъ случаяхъ это наружное отвлеченіе и доставляетъ временную помощь.

Чтобы приобрѣсть магнетическую силу исцѣлять, однимъ прикосновеніемъ перстовъ или поглаживаніемъ, воспаленныя подчелюстныя железа или такъ—называемыя «свинки», а равно и зубную боль, должно, по мнѣнію народному, задушить живаго крота двумя пальцами; или, какъ учатъ другіе, зарѣзать крота, вымазать руки кровью и сутки не мыться.

Знавши крестьянина, которому, по-видимому, точно удавалось иногда прикладываніемъ рукъ доставлять облегченіе при зубной боли, и слышавъ, будто онъ достигъ этого вышеизъясненнымъ способомъ, я попытался сдѣлать тоже, но безъ успѣха. Кротъ, употребленный мною для опыта, былъ впрочемъ сѣрый кротъ восточныхъ губерній, а говорятъ, на это нуженъ русскій черный кротъ. Изъ числа амулетовъ отъ зубной боли, я упомяну объ одномъ, который, по увѣренію испытавшихъ его нѣсколько разъ на себѣ, доставлялъ скорое пособіе: это былъ небольшой узелокъ въ тряпочкѣ, завязанный ниткой; въ узелкѣ этомъ, при тайномъ осмотрѣ, оказался здоровый коренной человѣческой зубъ.

Отъ «ногтоѣда» или «волоса» прикладываютъ круто посоленную квасную гущу, и перемѣняютъ ее по мѣрѣ того, какъ она высыхаетъ. Впрочемъ народъ нашъ употребляетъ также, при нарывахъ всякаго рода, припарку на молокѣ, или чаще

ржаной хлѣбъ съ масломъ, также печеный лукъ и толченное конопляное сѣмя.

Поверхностные ознобы, въ особенности опухоль отъ ознобовъ на перстахъ, обмываютъ распущенными въ горячей водѣ квасцами; и это средство дѣйствительно приноситъ пользу, отнимая зудъ и боль. Гусиное сало, медвѣжье сало, служатъ общеизвѣстнымъ средствомъ отъ ознобовъ.

Простонародное, весьма успѣшное леченіе «сибирской язвы» не менѣе извѣстно. Надобно насѣчь хрящеватое мѣсто до крови и посыпать густо нашатыремъ съ табакомъ, или тѣмъ или другимъ, также сулемой, мышьякомъ, или даже просто поваренною солью. Я имѣлъ случай испытать неоднократно съ успѣхомъ всѣ эти средства, кромѣ мышьяка.

Лишай мажутъ табачнымъ сокомъ изъ чубука, калиновымъ сокомъ, потомъ съ окна, слюнами на тощакъ; окалываютъ кругомъ булавкой, накалываютъ на-крестъ, и пр. Есть и «заговоры» отъ лишая, какъ отъ всѣхъ прочихъ бѣдъ: обвести слюнами

сучокъ въ стѣнѣ избы, потомъ обвести лишай, приговаривая: «ни шире, ни дальше, на семь мѣстѣ и быть, тутъ тебѣ и пропасть!» Съ прыщомъ дѣлають почти тоже: должно помазать слюнами сучокъ, потомъ прыщъ, тамъ пятку и наступить на нее; это повторяется трижды, а въ третій разъ нужно наступить и шаркнуть или растереть. Если обметають губы, то присѣкають кремнемъ и огнивомъ, чтобы искры сыпались на больное мѣсто; трутъ также горшокъ объ горшокъ, смочивъ его, и мажутъ сыпъ этою черною грязью. Тоже дѣлають при золотушной сыпи ребяты.

Противу бородавокъ находимъ множество таинственныхъ средствъ: вяжутъ на ниткѣ или шелковинкѣ столько узловъ, сколько у кого бородавокъ, обмѣривая каждую незатянутымъ еще узломъ вокругъ; потомъ нитку эту зарывають тайно въ навозъ, и бородавки должны пропасть, когда нитка сгниеть. Тоже дѣлають съ лучинкой, на которой нарѣзываютъ, съ приговорками, столько зарубокъ, сколько у кого бородавокъ. Натирають также

бородавки свѣжимъ мясомъ, которое зарывается, или отдается собакамъ. Берутъ также яблоко, разрѣзываютъ его ниткою пополамъ, натираютъ бородавки обѣими половинками, связываютъ ихъ тоюже ниткою и зарываютъ въ сырое мѣсто. Еще средство: во время убыли луны, поводятъ рукою по стѣнѣ, на которую падаетъ лунный свѣтъ; потомъ, поглаживаютъ этою рукою, сверху внизъ, по бородавкѣ: все это повторяютъ нѣсколько дней сряду. Средство подвязывать бородавки ниткой также въ народѣ извѣстно. Отъ зоба дѣлаютъ почти тоже, что отъ бородавки: прикладываютъ на-ночь тайкомъ отъ другихъ кусокъ свиного сала, потомъ закапываютъ его, и зобъ долженъ исчезать по мѣрѣ того, какъ сало изгнивается. На Украинѣ дѣлаютъ на лучинѣ зарубки, по числу и величинѣ бородавокъ, и бросаютъ ее въ такое мѣсто, гдѣ она можетъ попасться въ руки жида; если жидъ подыметъ лучинку, то бородавки должны перейти на него.

Отъ кашля народъ пьетъ шалфей, нашатырь, ворвань, прикладываетъ на грудь и шею сало, и пр. Отъ грудной боли вообще, присыпаютъ грудь сушенымъ и толченымъ баннымъ вѣнникомъ, ставятъ мушки, банки, горчичники, пьютъ огуречный разсолъ, и проч.

Отъ перемежающейся лихорадки употребляютъ въ народѣ: дубовую и ивовую кору въ отварѣ; блонь или лыко съ рябины, также въ отварѣ, или въ упрѣломъ настоѣ. Или: больной выходитъ на зарѣ, когда еще никто не черпалъ воды, на рѣку, съ ложкой, и пьетъ на тощакъ ложку воды, чтобъ никто не видалъ; на другой день, пьетъ двѣ, потомъ три ложки, и т. д.: повѣрье утверждаетъ, что лихорадка покидаетъ между третьей и девятой ложками. Или еще: въ мочѣ больного варятъ три куриныя яйца, выносятъ ихъ, вмѣстѣ съ горшкомъ, на муравейникъ, разбиваютъ тамъ горшокъ и зарываютъ его вмѣстѣ съ яйцами; дня черезъ три, говоритъ повѣрье, когда муравьи уничтожатъ яйца, лихорадка отстаетъ. Есть также обычай

обливать больного, въ то время, когда его трясеть, холодной водой, черезъ оглоблю: больной становится внутри оглобель и подымаетъ одну изъ нихъ во весь ростъ, а товарищъ стоитъ снаружи и окачиваетъ его. Въ другихъ мѣстахъ, нашептываютъ нѣсколько зеренъ пшеницы во время веснянки или вешней лихорадки; потомъ больной носить ихъ въ продолженіе лихорадки на голой ладони, въ перчаткѣ или рукавицѣ; потомъ должно ихъ посѣять, а когда они взойдутъ, хорошенько раздавить ногой: это средство, кажется, очень хорошо, чтобы учить больного благому терпѣнію. Въ иныхъ мѣстахъ, «завязываютъ лихорадку», то-есть больной ѣдетъ при самомъ началѣ озноба въ лѣсокъ, связываетъ надъ собою двѣ березки согнувъ ихъ дугой, и говоритъ: «покинешь, отпущу; не покинешь, сама сгинешь»! вскорѣ лихорадка, испугавшись этой угрозы, покидаетъ человѣка, который съ своей стороны обязанъ непременно отпустить согнутыя и связанные березки, иначе будетъ худо. Есть множество

подобныхъ таинственныхъ средствъ, привѣсокъ, подвязокъ, заговоровъ; и запасъ ихъ въ особенности противу лихорадки безконечно богатъ. Я добрался однажды до одного Татарина, который, по словамъ поселянъ и горожанъ, удивительно успѣшно исцѣлялъ лихорадку, привѣшивая какой-то корешокъ на шею. Средство это было сообщено Татарину изъ благодарности, однимъ изъ посельщиковъ Сибирскихъ, которому онъ по пути слѣдованія оказалъ какую-то услугу. Я опрашивалъ въ подробности многихъ исцѣленныхъ, и между прочимъ шесть челоуѣкъ Русскихъ плотниковъ, которые, по всей видимости, одолжены были исцѣленіемъ своимъ этому средству. Вскорѣ я самъ заболѣлъ также лихорадкой и вздумалъ испытать корешокъ, о которомъ было столько славы: но онъ мнѣ не пособилъ, хотя я въ точности исполнилъ все предписанное. За то я долженъ поговорить обстоятельнѣе о другомъ, не менѣе странномъ народномъ средствѣ, коего дѣйствіе заслуживаетъ вниманія и

точного изслѣдованія со стороны врачей. Берутъ внутреннюю плену изъ сыраго куринаго яйца, наклевавъ сперва осторожно скорлупу; пленой этой обертываютъ до половины лѣвый мизинецъ, нетуго, но закрывая всѣ мѣста и накладывая зачатки тамъ, гдѣ кожа лопнетъ. Она облипаетъ и вскорѣ присыхаетъ. Наперстокъ этотъ устраняетъ лихорадку; а проносивъ его, въ продолженіе трехъ лихорадочныхъ припадовъ, можно его снять и дѣло кончено.

Такъ—какъ я это средство испытывалъ многократно на себѣ и на другихъ, то позволю себѣ изложить здѣсь чисто практическія наблюденія мои, предоставляя другимъ теоретическія объясненія. Средство это большею—частію оказывается дѣйствительнымъ отъ перемежающейся лихорадки. Въ этомъ случаѣ, въ то время, когда бы слѣдовало начаться лихорадочному припадку, мизинецъ начинаетъ остывать, нѣмѣть: холодъ тянется отъ него вверхъ по внутренней

сторонѣ локтевой кости, и бываетъ болѣе или менѣе чувствителенъ не только для больного, но и для посторонняго наблюдателя. Затѣмъ слѣдуетъ боль, начинается ныть, щемить и стрѣлять вверхъ по рукѣ, иногда до самаго плеча: боль эта бываетъ въ иныхъ случаяхъ незначительна, въ другихъ сильнѣе, а иногда до того нестерпима, что сильные и крѣпкіе мужики плачутъ, какъ малые ребята, и срываютъ пленку. Появленіе боли и отсутствіе пароксизма есть знакъ, что средство дѣйствуетъ и принесетъ пользу; въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не помогаетъ, припадокъ появляется своимъ порядкомъ, а боли въ мизинцѣ нѣтъ. Это, между прочимъ, было со мною; средство мнѣ не помогло. Я видѣлъ одинъ случай, гдѣ наоборотъ боль продолжалась въ продолженіе свободного отъ лихорадки времени, а потомъ исчезала, и ознобъ появлялся. Но изъ числа какихъ нибудь тридцати опытовъ, болѣе двадцати были удачны. Одинъ случай былъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что отчаянная лихорадка, угрожавшая за

каждымъ приступомъ кровянымъ ударомъ, и не уступавшая никакимъ средствамъ — (кромѣ большихъ приѣмовъ хинины, употребляемъ былъ между прочимъ даже мышьякъ) — была исцѣлена яичной пленкой. Надобно было удивляться сильной волѣ слабой женщины, которая, видя сама гибельное положеніе свое, выдерживала въ продолженіе шестнадцати часовъ — (столько длился обыкновенно приступъ) — неимоверно жестокою болью и стрѣльбою отъ мизинца вверхъ до самаго плеча. Боль утихаетъ мало-по-малу въ слѣдующій приступъ, и за третьимъ обыкновенно уже вовсе незначительна. На мизинцѣ нерѣдко остаются надолго слѣды этого средства: подкожныя кровяныя пятна и кожа въ послѣдствіи сходитъ. Въ одномъ случаѣ произошло поверхностное помертвѣніе пальца и продолжительное нагноеніе; но кажется я не ошибусь, если припишу это неосторожной повязкѣ ниткой, которая наложена была безъ всякой нужды по-срединѣ пальца и слишкомъ его перетянула. Замѣчательнѣе всего при этомъ, что боль

продолжается только въ то время, когда бы слѣдовало быть приступу, а во все остальное время боли нѣтъ. Я испытывалъ также средство это надъ здоровыми людьми, носилъ его самъ, въ продолженіе недѣли: боли не было никакой, и палецъ оставался здоровымъ. Это доказываетъ, что пленка дѣйствуетъ исключительно только на челоѡка въ болѣзненномъ его состояніи, а не на здороваго.

О дивныхъ привѣскахъ и бумажныхъ пилюлькахъ отъ лихорадки всякая добрая деревенская хозяйка расскажетъ вамъ болѣе моего, если вы ее задобрите. Пишутъ на лоскуткѣ бумажки «абракадабра» треугольникомъ; или тѣмъ же порядкомъ имя больнаго, или же наконецъ коротенькую молитву; иные дѣлаютъ изъ этого привѣски, другіе катаютъ пилюльки и заставляютъ принять, но больной не долженъ знать, что принимаетъ или носить, если же посмотреть, то средство не поможетъ. Берутъ также съ больнаго клокъ волосъ, остригаютъ ему ногти и собравъ все это вмѣстѣ, идутъ въ лѣсъ, просверливаютъ

въ осинѣ дыру, затыкають ее этимъ снадобьемъ и заколачивають камешкомъ. Повязки на плечахъ и ляжкахъ, употребляемыя какъ амулеты, помогаютъ иногда тѣмъ, что давая свободу теченію крови въ боевыхъ жилахъ къ конечностямъ, удерживають нѣсколько возвратъ ея въ венахъ, предупреждаютъ накопленіе крови въ большихъ полостяхъ въ время озноба, и производять иногда такимъ образомъ переломъ болѣзни. Внезапный испугъ, во время начала приступа, какъ извѣстно, иногда прекращаетъ лихорадку; народъ употребляетъ для этого окачиваніе холодной водой, сажаетъ больному или больной нечаянно лягушку за пазуху, и т. п.

Янтарь, по мнѣнію народа, вытягиваетъ желчь изъ тѣла: и для этого многіе носятъ, вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ, янтарную пронизь. Золоту, по мнѣнію другихъ, дана таже сила: для этого кладутъ золотое кольцо, а еще лучше, червонецъ, въ рюмку хлѣбнаго или винограднаго вина, и поятъ

этимъ больного отъ желтухи. Щука также употребляется въ этомъ случаѣ: больной беретъ въ обѣ руки живую щуку и глядитъ на нее пристально, доколѣ она не уснетъ; молва утверждаетъ, что щука отъ этого желтѣетъ, а желтуха проходитъ.

Средства отъ слабаго желудка, рѣзи въ животѣ, поносу и т. п., иногда довольно странны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были испытаны и признаны врачами. Къ симъ послѣднимъ, на-примѣръ, принадлежитъ сырая квашеная капуста, приносящая дѣйствительную пользу при испорченномъ желудкѣ; лечь брюхомъ на горячій хлѣбъ также не дурно. Отъ натужнаго и кровянаго поноса, пьютъ деревянное, маковое, или постное масло. Зола съ квасомъ, перецъ, круто посоленный квасъ, скобленный мѣлъ, даже квасцы, принадлежатъ къ средствамъ болѣе сомнительнымъ; хотя свѣжая зола — полложки и до ложки на полстакана кипятку, дать остыть и слить — какъ увѣрялъ меня испытывавшій многократно средство это врачъ, въ изнурительныхъ поносахъ помогаетъ. Посыпаютъ также

хлѣбъ, вмѣсто соли, сушеной и истертой крапивой; пьютъ настой дубовой или вербовой коры; накладываютъ въ банѣ горшки на брюхо, носятъ на брюхѣ постоянно листъ писчей бумаги, и проч.

Отъ водяной разнаго вида натираютъ все тѣло хрѣномъ; натираютъ также въ банѣ все тѣло солеными огурцами, разрѣзавъ огурецъ пополамъ. Къ числу средствъ противъ этой болѣзни принадлежитъ еще чистый деготь, который пьютъ, и вши, которыхъ принимаютъ по двѣ и по три, замятыхъ въ хлѣбѣ: въ послѣднемъ случаѣ, больной не долженъ знать, какого звѣря онъ поглощаетъ. Но средство, коего дѣйствительность я самъ имѣлъ случай видѣть на дѣлѣ: это сверчокъ. Его даютъ, высушивъ, въ порошокъ, съ виномъ или квасомъ, въ грудной и брюшной водяной; рвота и испражненія низомъ и мочей слѣдуютъ засимъ непрерывно въ огромномъ количествѣ, и этимъ путемъ иногда исцѣляютъ больнаго. Сверчокъ есть одно изъ самыхъ сильныхъ рвотныхъ, слабительныхъ и мочегонныхъ средствъ.

Отъ цыгги народъ на Кавказѣ употребляетъ «черемшу» или «черемшицу» (*allium ursinum*), родъ дикаго чесноку, какъ говорятъ, съ пользою.

Отъ поясничной почечуйной боли «рубятъ витюнъ»: больной долженъ сутки голодать, потомъ ложится брюхомъ поперегъ порога; на голую поясницу кладутъ голикъ, и рубятъ по немъ тупымъ топоромъ, а больной приговариваетъ: «руби, руби, дѣдушка!» Отъ ломоты въ ногахъ сажаютъ весной больнаго на коня и заставляютъ скакать до сильнаго поту; тогда насыпаютъ ему полные шаровары березовыхъ почекъ, и въ нихъ больной долженъ просидѣть въ избѣ сутки. Отъ ломоты мажутся медвѣжьимъ саломъ, виномъ, распариваютъ больное мѣсто въ банѣ, натираютъ его хрѣномъ, рѣдкой, мыломъ съ виномъ, настойкой стручковаго перца или самымъ перцемъ, смазываютъ дегтемъ, и пр.

Отъ судорогъ и корчи, въ особенности въ ногахъ, носятъ постоянно въ карманѣ

мѣдный грошъ, кусочекъ сѣры и ржаного хлѣба. Отъ судорогъ же въ ногахъ у рожениць, зашиваютъ въ подвязки толченую сѣру или сѣрные цвѣты. Отъ начальнаго паралича нижнихъ конечностей, кладутъ въ изножье кровати свѣжее осиновое полѣно и велятъ упираться въ него голыми ногами; сажаютъ также ногами въ муравьиною кучу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть крестьяне, которые приобрѣли въ цѣломъ околоткѣ славу, будто умѣютъ исцѣлять самую водобоязнь, не только предупреждать бѣдственныя послѣдствія укушенія бѣшеной собаки. Слышавъ много о двухъ такихъ крестьянахъ, я долго старался разузнать, какія они употребляютъ средства, хотя и доселѣ вовсе не могу ручаться въ дѣйствительной успѣшности ихъ леченія, потому—что самъ его не наблюдалъ. Одинъ изъ этихъ людей нашептывалъ то воду, то ворвань, или рыбій жиръ, и этимъ творилъ свои чудеса; но другой собиралъ въ лѣсу изъ муравьиныхъ кучъ какихъ—то жуковъ — это было въ Саратовской губерніи — и по

общему мнѣнію исцѣлялъ ими одержимыхъ водобоязнью. Въ Тверской губерніи появился такойже лекарь, и употреблялъ тоже самое средство. Мнѣ удалось достать это насѣкомое, какъ изъ Саратовской, такъ и изъ Тверской губерній, и оказалось, что тутъ и тамъ употребляютъ одно и тоже: золотисто-зеленаго жука съ бѣлыми поперечными крапинками, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «майки», а у естествоиспытателей «*setonia aurata*». Не знаю, какимъ образомъ попадаетъ онъ въ муравьиныя кучи, изъ коихъ добываетъ его нашъ лекарь; но весною насѣкомое это впивается въ цвѣты, и особенно въ розу и шиповникъ. Надобно высушить и истолочь его, и дать въ маслѣ, на меду, или какимъ-либо инымъ образомъ, больному; увѣряютъ, что за пріемомъ слѣдуетъ продолжительный, спокойный сонъ, и исцѣленіе. Иногда повторяютъ пріемъ. Во всякомъ случаѣ стоило-бы испытать средство это отъ страшнаго недуга, съ коимъ мы доселѣ совладѣть не умѣемъ. Въ другихъ мѣстахъ употребляютъ слѣдующее

средство: убивъ бѣшеную собаку, берутъ отъ ней клокъ шерсти, сожигаютъ, и пепломъ этимъ присыпаютъ рану и всю окружность укушеннаго мѣста.

Бездѣтныя женщины пьютъ селитру, въ надеждѣ поправить этимъ дѣло. Употребленіе рожковъ или спорыньи, съ противоположною цѣлію, къ—сожалѣнію также извѣстно въ народѣ. Для предупрежденія беременности, дѣвки пьютъ на—тощакъ ежедневно по стакану горячей воды, и въ иныхъ мѣстахъ вѣрятъ этому средству, не смотря на то, что рожаютъ почти ежегодно. Если послѣдъ или мѣсто долго не выходитъ, то употребляютъ иногда тоже средство, какъ отъ водяной: даютъ больной принять, безъ вѣдома ея, парочку пѣшихъ насѣкомыхъ. Увѣряютъ, что средство это весьма дѣйствительно, и въ особенности употребляютъ его, при тѣхъже обстоятельствахъ, для отелившихся коровъ. Иногда, вмѣсто этого, даютъ также золу. Вишневое лыко или болонь служитъ въ южныхъ губерніяхъ какъ противъ избыточнаго, такъ и противъ

недостаточнаго очищенія: въ первомъ случаѣ блонь скоблятъ ножемъ съ дерева снизу вверхъ, а во второмъ сверху внизъ. Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ считаетъ довольно вѣрнымъ признакомъ беременности: внезапное появленіе на лицѣ женщины веснушекъ и «матежей» или разнаго вида пятенъ. Послѣднія собственно отъ этого получили свое названіе; и надобно сознаться, что примѣта эта довольно вѣрна.

Если у ребенка зубы трудно рѣжутся, то накалываютъ частымъ гребнемъ черному пѣтуху гребешокъ, и кровью этою мажутъ десны ребенка. Отъ крику младенцевъ берутъ маковую головку, срѣзываютъ вершокъ, вытряхиваютъ зерна, наливаютъ въ нее горячей воды; потомъ несутъ ребенка подъ насѣсть, или туда, гдѣ ночуютъ куры, перевертываютъ его, нашептывая что-то; затѣмъ, воротившись въ избу, даютъ выпить изъ маковки воду. Тотъ же крикъ, особенно ночной, называютъ «полунощницей», и отводятъ порчу эту различнымъ образомъ: на—

примѣръ, расправляютъ на столѣ снятую съ ребенка сорочку, мѣряютъ ниткой два раза накрестъ отъ наплечья до подола, раздвояютъ пряди нитки въ срединѣ, ущемляютъ между ними рубашку, свертываютъ и кладутъ на ночь въ дверяхъ у порога, гдѣ народъ ходитъ, и если пряди къ утру ссучились, то говорятъ, что «полунощница вышла». Или: берутъ семь прутиковъ изъ вѣника, растворяютъ двери, и выгоняютъ полунощницу съ разными поговорками и пр.

Отъ младенческой немощи называемой «собачья старость» или «сухотка», сажаютъ ребенка на лопату и трижды всовываютъ его наскоро въ чело затопленной печи. Если ребенокъ вообще отчаянно боленъ, то мать подаетъ его въ окно первой подошедшей нищенкѣ, вмѣсто милостыни; если нищенка приметъ его ради—Христа и посадитъ подъ избой у воротъ, то мать вѣритъ, что ребенокъ оправится.

Если грудной ребенокъ поперхнется молокомъ, то дуютъ ему въ темя. Если взрослый человекъ поперхнется, то совѣтуютъ ему дать подзатыльника, или потереть переносье. Отъ икоты и потяготы велятъ сложить на обѣихъ рукахъ ногти большаго пальца и мизинца, а потомъ растянуть руки прямо въ обѣ стороны и стоять такъ, сколько силъ станетъ. Хорошее народное средство отъ сжоги: это сырая гречневая крупа, которую надобно жевать по шепоткѣ.

Отъ пьянства употребляютъ въ народѣ средства, отъ коихъ вино должно опротивѣть, подмѣшивая туда всякую гадость и опаивая пьяницъ. Увѣряютъ между прочимъ, что если пустить въ полведра вина пару живыхъ щукъ, чтобъ онѣ тамъ уснули, и этимъ виномъ опоить человека: то онъ впередъ пить не станетъ. Поятъ также пьяницу насильно теплой водой, такъ—чтобы его нѣсколько разъ вырвало и прослабило и кинуло въ потъ: говорятъ, будто и это отваживаетъ отъ пьянства. Отъ запою употребляютъ

странное средство, и также увѣряли меня, что оно исцѣляетъ человѣка навсегда: смазываютъ ему мошонку и мѣсто «такъ» дегтемъ; отъ этого между прочимъ, какъ говорятъ, дѣлается жестокая головная боль, которая длится сутки или двои; но, оправившись, человѣкъ бросаетъ пить навсегда.

Окончательно неизлишнимъ считаю повторить здѣсь, для чего я поставилъ, въ числѣ насчитанныхъ мною средствъ, столько пустыхъ, вздорныхъ и суевѣрныхъ, не заслуживающихъ по-видимому никакого вниманія. Во-первыхъ, знакомиться со всѣмъ этимъ любопытно въ этнографическомъ отношеніи; во вторыхъ, сельскому врачу полезно знать суевѣрья, съ коими онъ долженъ сражаться на каждомъ шагу; въ третьихъ, очень трудно опредѣлить положительную и точную границу между средствами вовсе вздорными, ничтожными, чисто суевѣрными обрядами, и такими, которыя даже во врачебномъ отношеніи заслуживаютъ вниманія. Если мы видимъ, на примѣръ, что

гусеницы пропадають съ лерева, когда повѣсишь на немъ пару раковъ, и что раки въ свою очередь немедленно засыпають, если къ нимъ только подойдетъ свинья, почему промышленники, которые возятъ въ бочкахъ живыхъ раковъ, чрезвычайно остерегаются, чтобъ не встрѣтить по дорогѣ свиней; если близость сѣрныхъ ключей не позволяетъ разводить пчель и проч.: то мы уже изъ подобныхъ наблюдений должны заключать, что можетъ—быть подъ личиною симпатическихъ средствъ скрываются иногда дѣльныя снадобья, и намъ должно только стараться очистить сущность дѣла отъ суевѣрныхъ обрядовъ и выказать его въ настоящемъ видѣ. Когда хлѣбъ начинаетъ цвѣсти въ полѣ, то крестьянинъ нашъ съ большимъ вниманіемъ замѣчаетъ, какъ завязывается цвѣтъ на колосѣ: снизу ли, въ срединѣ, или сверху; въ первомъ случаѣ, говоритъ онъ, въ этомъ году низкая цѣна будетъ на хлѣбъ, во второмъ — средняя, въ третьемъ — высокая. Мы, какъ люди весьма образованные, готовы осмѣять мужика за такое суевѣріе; но если разберемъ предметъ

поближе, то увидимъ, что въ немъ кроется по-крайней-мѣрѣ нѣчто дѣльное, и что повѣрье это, какъ и большая часть прочихъ, не сдуру придумано, хотя въ немъ и нѣтъ непреложной истины. Всякому извѣстно, что здоровое колосовое растеніе, по естественному порядку, должно зацвѣтать снизу, а вершина колоса дозрѣваетъ уже напоследокъ. Если колось цвѣтетъ такимъ образомъ, то онъ обѣщаетъ хорошій урожай, и слѣдовательно хлѣбъ будетъ дешевъ; если же напротивъ цвѣтъ завязывается выше, то это доказываетъ, что нижняя часть колоса сѣмянъ не дастъ, урожай будетъ тѣмъ скуднѣе, и вѣроятно цѣны на хлѣбъ тѣмъ выше, чѣмъ выше колось зацвѣтаетъ. Вотъ еще примѣръ. Осина — проклятое дерево, на которомъ, по преданію народному, Іуда удавился, отчего-де и листья на деревѣ этомъ о-сю-пору дрожать — осина, въ народныхъ повѣрьяхъ появляется въ разныхъ видахъ: колдуны и упыри приколачиваются въ могилѣ осиновымъ коломъ, чтобъ не вставали и не мучили людей; въ осиновое

дерево прячуть волосъ и ногти больнаго, чтобы избавить его отъ лихорадки; въ осиновую плаху долженъ упираться больной, у котораго ноги отымаются; осина же, говоритъ народъ, съѣдаетъ сажу въ трубѣ, если къ дровамъ прибавлять иногда по осиновому полѣну. Тоже самое подтверждаютъ намъ нынѣ не только домохозяева, но и ученые архитекторы, которые многолѣтнимъ опытомъ убѣдились, что если протапливать печь иногда осиновыми дровами, то не только трубы чистить не нужно, но и чистить нечего: труба и боровки, все будетъ чисто. Хозяева увѣряютъ также, что осиновый коль, положенный въ квашеную капусту, не даетъ ей портиться, что она можетъ стоять тогда болѣе года; что осиновый же коль, положенный въ куль сженной извести, сохраняетъ ее чрезвычайно долго въ негашеномъ видѣ, тогда—какъ безъ того известь сей—часъ притягиваетъ и впиваетъ сырость изъ воздуха. Наконецъ, спросите въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Владимірской, Ярославской): для чего на конныхъ

приводахъ мельницъ и другихъ машинъ конная колея выстилается осиновыми торцами, тогда—какъ осина есть одно изъ самыхъ слабыхъ и плохихъ деревъ? Мастера вамъ скажутъ, какъ извѣстную вещь, что осиновые торцы несравненно прочнѣе всѣхъ прочихъ; и если это должно вамъ показаться весьма страннымъ, то дѣло не менѣе того стоитъ вниманія и изслѣдованія.

В. ДАЛЬ.

—